

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

Моей правды. - 1996. - Ничего. - с. 4.

СТЫД - категория нравственная

Никита Михалков, кинорежиссер, президент Российского фонда культуры: «Сегодня, как никогда ранее, именно сегодня, когда в нашей стране происходит, по словам Грибоедова, колебание умов ни в чем не твердых, нам особенно необходима консолидация, объединение не на разрушении, не на отрицании, а на чем-то позитивном. Пока не повернем к истокам своим, к нравственным ценностям, складывающимся целое тысячелетие, — ничего не изменится к лучшему...»

В нашей стране, пожалуй, как ни в какой другой, люди, объединяясь в различные партии, фракции, блоки, движимые добрыми намерениями, занимаются разрушительной констатацией того, что плохо. Иждивенчески подходят к происходящему вокруг, все время стараются найти виновных во всех неудачах, бедах. Чаще мы консолидируемся на слове «нет», на негативных оценках всего и вся. Эта иссушающая душу «консолидация» сама по себе разрушительна. Сколько раз мы пытались построить рай на земле, сначала все разрушив. В 1917-м почти истребили все, что создавалось столетиями, но «рая» не получилось. Другой рай начали строить на этих руинах в 1991-м, сейчас пытаемся к этим руинам вернуться, полагая, что надо строить новый рай... Разрушаем храм Христа Спасителя и на этом месте возводим бассейн, разрушаем бассейн и снова возводим храм — это и есть колебание умов (по Грибоедову), ни в чем не твердых.

И абсолютно забываем, что тысячу лет на нашей земле существовало христианство, истинное, непридуманное братство народов. И рождались талантливые мальчики и девочки: один из них — Саша, превратившийся в Александра Сергеевича Пушкина, другой мальчик Саша — в Александра I; мальчик Федя стал Федором Михайловичем Достоевским, а другой — Федя — стал Федором Шаляпиным. При всей разности их родства, они были объединены единой «корневой системой» духовных ценностей.

Вы посмотрите на лица сегодняшних детей. Это абсолютно другие лица, в них нет той одухотворенности, что мы видим на фотографиях конца XIX века. «Те лица» изнутри освещены общим светом, общей «корневой системой координат», что нельзя потрогать руками, чем жили поколения на нашей земле. Если мы не повернем именно к истокам своим, ничего не изменится к лучшему. Мы отринули от себя те законы, по которым жили поколения наших людей. Тысячелетнее культурное христианское воспитание заменили на идолопоклонство. Сейчас, как говорил великий мыслитель Толстой, надо «очистить проблему до конца».

Еще менее десяти лет назад мы послушно опускали бюллетени за того, чей портрет канди-

дата на выборы (безальтернативного!), вывешивали у подъезда, печатали в газетах. Нам было абсолютно все равно: выберут его или нет, потому что он был уже «приговорен» быть избранным. Мы ничего не решали. Сегодня, когда у нас появилась возможность самим делать выбор, коллективную безответственность (и безопасность!) заменили на индивидуальную, нам стало страшно. И трудно. Мы привыкли ходить строем, идти туда, куда укажут. Но это видимая легкость, за нее приходилось платить слишком дорогой ценой — свободой мышления, поступка.

Да, сейчас многие озабочены материальным благополучием. Да, очень важно, чтобы вовремя выдавалась зарплата. Но именно сейчас, когда трудноживется, люди больше обеспокоены утерей достоинства. Значит, жив, не выветрился еще дух в России. Достоинство может и должно возродиться только на позитивной почве, а не на разрушительной.

Недавно, оказавшись в провинциальном городке Угличе, увидел потрясающую выставку, галерею портретов неизвестных художников. Значит, все же идет очень важный процесс — возрождение духа нации, если появилась потребность в такой выставке. Значит, идет в народе пока еще «невидимый процесс». Его нельзя торопить, ему нельзя мешать. Единственное, что необходимо, — это внутренний покой, чтобы начал «вызревать» этот утерянный дух. Нужна хоть какая-то стабильность, чтобы наш народ естественным путем вышел на нормальный путь, опираясь на свои истоки и традиции. Поэтому для себя я считаю

самым главным — помочь возродиться понятию малой родины.

Мой дед, историк Кончаловский, говорил: в государстве, в котором утеряно понятие греха и стыда, порядок навести невозможно. Грех и стыд — категории глубоко религиозные. Во Франции можно жить без Бога, так как для них Бог — это закон. У нас — нельзя. Для нас во все времена «закон был не писан». Мы не признаем ни хороших законов, ни плохих. Тем более при демократии, понятой как вседозволенность.

Я считаю, что есть вещи, которые требуют вмешательства государства. Скажем, следует ограничить насилие над человеком посредством порнографии. Наивная надежда, что все само собой образуется. Ситуация приведет к тому, что в результате мы сами, своими же руками уничтожим ту благодатную почву, на которой должно возродиться что-то новое. Во всем должен быть государственный интерес. Я не за цензуру. Но отбор необходим. Отбор того, что так или иначе совпадает с традициями нашего народа.

Ведь есть вещи, которые просто для нас неприемлемы. Как сказал Языков: что русскому хорошо, немцу — смерть. Если в какой-то серьезной мусульманской арабской стране женщина в шортах пройдет по улице, ее могут убить. Винить за это некого, говорить, что это варварство, бессмысленно. Там такие законы. Когда-то и в России были определенные нравственные нормы. Они не ущемляли свобод человеческих, давали лишь определенные границы, за которыми следовало: «это «не принято», «это нехорошо». Если будет общая система координат, ненасильственная, то есть естественным путем произойдет возврат к тем законам, которые всегда существовали на Руси и которые охраняла церковь, общество только выиграет. Тогда можно будет надеяться, что станет вызревать новое самосознание и сформулируется национальная идея.

Уже давно
«Кончаловский»
Федор
из Москвы и с
Кончаловским
Богдан, Богданович
и Анна
Зина Богдановна
и др.